

ляла собою самое лучшее мѣсто, какое только мы видѣли въ Хами. На парадный обѣдъ приглашены были также высшіе мѣстные офицеры и чиновники, такъ что набралось всего человѣкъ тридцать. Офицеры младшихъ чиновъ прислуживали и подавали кушанья. Обѣдъ состоялъ изъ шестидесяти блюдъ, все во вкусѣ китайскомъ. Баранина и свинина, а также чеснокъ и кунжутное масло, играли важную роль; кромѣ того подавались и различныя тонкости китайской кухни, какъ-то: морская капуста, трепанги, гнѣзда ласточки саланганы, плавники акулы, креветы и т. п. Обѣдъ начался сладостями; окончился варенымъ рисомъ. Каждое кушанье необходимо было хотя отвѣдать, да и этого было достаточно, чтобы произвести такой винегретъ, отъ котораго даже наши, ко всему привычныя, желудки были разстроены во весь слѣдующій день. Вина за столомъ не было, по неимѣнію его у китайцевъ; но взамѣнъ того подавалась нагрѣтая водка двухъ сортовъ: очень крѣпкая и свѣтлая (шань-дзю) и болѣе слабая, цвѣтомъ похожая на темный хересъ (хуань-дзю); та и другая — мерзость ужасная. Китайцы же пили ее въ достаточномъ количествѣ изъ маленькихъ чашечекъ и, какъ всегда, подпивъ немного, играли въ четъ и нечетъ пальцевъ¹⁾, причемъ проигравшій долженъ былъ пить. Наше неумѣнье ѣсть палочками, а въ особенности питье за обѣдомъ холодной воды, сильно смѣшили китайцевъ, которые, какъ извѣстно, никогда не употребляютъ сырой воды.

На слѣдующій день чинь-цай опять пріѣхалъ къ намъ, въ сопровожденіи своего помощника по гражданской части и цѣлой толпы офицеровъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ мы познакомились наканунѣ во время обѣда. Свита эта держала себя крайне неприлично. Увидавъ какую-нибудь у насъ вещь, офицеры тотчасъ же просили ее продать или подарить. Поданныя для угощенія сласти и даже сахаръ къ чаю офицеры расхватывали какъ школьники, пользуясь тѣмъ, что этого не видитъ чинь-цай, помѣщавшійся со мною и нѣсколькими болѣе важными лицами въ нашей палаткѣ; остальные же, за неимѣніемъ мѣста, оставались на дворѣ. Не многимъ лучше оказался и самъ чинь-цай, напередъ освѣдомившійся черезъ своихъ адъютантовъ, какія у насъ имѣются вещи, въ особенности оружіе. И, хотя наученные прежними опытами, мы припрятали теперь все лишнее, но губернаторъ прямо просилъ показать ему такое-то ружье, револьверъ или часы, словомъ, все то, что ранѣе видѣлъ у насъ который-либо изъ его адъютантовъ. Такимъ образомъ улика имѣлась на лицо; отнѣкиваться было невозможно. Осмотръ

¹⁾ Игра эта, называемая *хуа-цюань*, весьма распространена въ Китаѣ.